

Микешина Людмила Александровна
Московский Педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация
mickeshina.lyudmila@yandex.ru

Об эпистемологии как современной теории познания

Аннотация. Классический гносеологический подход позволил существенно продвинуться в развитии всех форм познавательной деятельности, выработать конкретные формы теории познания и методологии научного исследования. Сегодня возможно и необходимо переходить к следующему, более трудному этапу приближению к реальному познанию, причем не столько в естественных, сколько в социально-гуманитарных науках. В ходе эпистемологического анализа в этих науках не исключаются, но учитываются ценностные, этические и эстетические, а также культурно-исторические качества и свойства, существенно обогащающие субъект и объект. За прошедшие десятилетия было осознано, что для этого необходимо понизить степень абстракции субъекта познания, оставаясь при этом в сфере философии и не переходя к его психологическим параметрам.

Ключевые слова: гносеология; эпистемология; социально-гуманитарные науки; ценности.

Mickeshina Lyudmila
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation
mickeshina.lyudmila@yandex.ru

About epistemology as a modern theory of knowledge

Abstract. The classic epistemological approach has made significant progress in the development of all forms of cognitive activity, to develop specific forms of the theory of knowledge and methodology of scientific research. Today it is possible and necessary to move on to the next, more difficult stage – approaching real knowledge, and not so much in natural, but mainly in the social sciences. Values, ethical and aesthetic, as well as cultural and historical qualities and properties, that significantly enrich the subject and object, are included in these sciences during the epistemological analysis. Over the past decades it was realized that it is necessary to lower the abstraction degree of the subject of knowledge, while remaining in the field of philosophy and not turning to his psychological parameters.

Keywords: gnoseology; epistemology; social and humanitarian science; values

Классический гносеологический подход позволил существенно продвинуться в развитии всех форм познавательной деятельности, выработать конкретные формы методологии научного исследования и обоснования знаний, что подтверждает его значимость и необходимость. Но имея столь значимое, развиваемое в веках абстрактно-гносеологическое основание, сегодня возможно и необходимо переходить к следующему, более трудному этапу – приближению к реальному познанию, причем не только к естественнонаучному, но и социально-гуманитарному. За прошедшие

десятилетия было осознанно, что для этого необходимо понизить степень абстракции субъекта познания, оставаясь при этом в сфере философии и не переходя к его психологическим параметрам. Философия познания к концу 20 века и в нашей стране пришла наконец к пониманию того, что позитивизм, признающий только *единый научный метод познания* для всех наук, включая социальные и гуманитарные, это упрощенный и ошибочный подход. Одновременно в течении 20 века было осознанно, что социальное и гуманитарное научное знание имеет свою специфику, требующую не абстрагироваться от субъекта, но учитывать его значимые культурно-исторические и социальные параметры, необходимые для понимания природы и методов развития социальных и гуманитарных наук. В европейской философии и методологии науки это существенное изменение было принято и осуществлено в течение 20 века, что потребовало заменить абстрактную гносеологию, с её предельно абстрактным субъектом, сохраняющую свое значение по-прежнему, в частности, в естественных и математических науках, на эпистемологию. Этот также греческий термин известен со времен гносеологии, однако он потребовался в середине 19 века, когда стал применяться, наряду с гносеологией, и возникло понимание необходимости в менее абстрактном субъекте, нежели гносеологический.

1. Потребовался целый век, чтобы эпистемология в полной мере вошла в научное и философское познание. В европейской философии можно было зафиксировать этот процесс, например, по всемирным философским конгрессам. Так, в 1998 году на таком конгрессе в Брайтоне, когда мы уже приехали сами, а не потому что нам *разрешили сверху*, обнаружилось, что в тезисах конгресса, посвященного образованию, начиная от древнегреческой «Пайдейи», во всех выступлениях звучало понятие *эпистемологии*. Обсуждались проблемы философии образования и речь шла о реальном, конкретном субъекте с его социальными, гуманитарными, этическими и эстетическими характеристиками, где предельно абстрактная гносеология была уже недостаточной в роли теории познания. Это подтверждалось и новыми текстами учебников, по которым учились студенты, в частности, в США и Англии, например: [Vaergen, 1995; Dancy, 1996].

Однако в нашей стране в конце 20 века все еще господствовала «теория отражения» с абстрактным гносеологическим субъектом, в контексте «диалектико-материалистической теории познания». Вслед за Лениным в советское время считали (не только студенты, преподаватели, но и ученые), что объективно-истинное знание не зависит ни от человека, ни от человечества. Теория отражения как основа истинности и научности знания, по сути, требовала максимального исключения присутствия субъекта в научном знании, что рассматривалось как условие научного статуса. Поэтому господствовал предельно абстрактный гносеологический субъект, сформировавшийся в предыдущие века, принятый марксизмом и рассматривающийся как условие истинности и научности. Это в полной мере отражало «ведущую роль партии и учения её вождей» для формирования знаний и мировоззрения советского

народа, включая и ученых в разных областях знания. Итак, современной эпистемологии предшествовал длительный процесс внедрения в понимание как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного познания идеи предельно абстрактного, трансцендентального субъекта как главного условия получения истинного знания. Классический гносеологический подход позволил существенно продвинуться в развитии всех форм познавательной деятельности, выработать конкретные формы методологии научного исследования и обоснования знаний, что подтверждает его значимость и необходимость не только в период формирования европейской рациональности, но и сохранение при дальнейшем развитии философии познания наряду с эпистемологией, охватывающей и социально-гуманитарное, культурно-историческое знание и его субъекта.

В течение 20 века приходит понимание, что абстрактная гносеология недостаточна и не способствует пониманию правомерности и природы *социально-гуманитарных наук*, где исследователь и его позиция, система ценностей необходимо присутствуют и являются условием познания объекта, выбора методов и построения теории. Имея столь значимое, развиваемое в веках абстрактно-гносеологическое основание, сегодня возможно и необходимо переходить к следующему, более трудному этапу – приближению к реальному познанию, а главное – развитию теории познания социально-гуманитарного научного знания, предполагающего *сохранение социальных и ценностных параметров*, для чего необходимо было *понижить степень абстракции субъекта познания*. Речь не идет о *психологических* параметрах субъекта, но о его социально-исторических, ценностных параметрах, определяющих специфику истории, социологии, филологии и многих других наук, где исследователь и его позиция, система ценностей *необходимо* присутствуют и являются условием выбора методов и построения теории и других культурно-исторических и социальных форм научного знания. Сегодня узаконен тот факт, что в ходе эпистемологического, в отличие от абстрактно-гносеологического, анализа не исключаются, но учитываются ценностные, этические и эстетические, а также социально-исторические качества и свойства, существенно обогащающие субъект и объект, расширяющие содержание этих категорий и сам процесс исследования в целом. При этом анализ исторического, социального и гуманитарного знания существенно обогащается, с необходимостью предполагая необходимые ценностно-исторические, социальные параметры и формы *предпосылочного* знания. В его содержание входят, в частности, научная картина мира, стиль научного мышления и парадигма. Это усложняет теорию познания, но вместе с тем позволяет более глубоко понять и исследовать природу и особенности социально-гуманитарных и исторических наук, которые имеют свои специфические объекты, получают свою самостоятельность и не должны ориентироваться на естественные науки как *обязательный* образец науки. Введение и разработка эпистемологии как новой менее абстрактной теории наряду с гносеологией, выполняющей свои функции в сфере знания, не привлекающего социально-исторический контекст, позволяет более

полно исследовать специфику и предпосылки наук как естественных, так и социально-гуманитарных в общей философии и теории познания.

2. Сегодня у эпистемологии принципиально иная и более сложная задача – выявить и оправдать формы и результаты необходимого присутствия субъекта в знании, в его структурных и операциональных ценностях, представить это в категориях философии и методологии познания. Снижение уровня абстракции до эмпирического субъекта соответственно влечет нестрогость, релятивность, неполную проверяемость, что лишает знание, казалось бы, объективной истинности и статуса научности. Это было несомненным для сторонников классической рациональности и соответствующей эпистемологии. Однако сегодня изменилось само представление о трансцендентальности знания (сознания), особенно в применении к неформализуемому, нестрогому, ценностно нагруженному, во многом метафорическому, обращенному к человеку, его ценностям социально-гуманитарному знанию. После определенной дискуссии была понята необходимость снизить уровень абстракции субъекта познания в неклассической эпистемологии и сегодня российские ученые отмечают, что ценностные признаки субъекта, в том числе этические, эстетические, культурно-исторические и социальные, необходимы и в полной мере соотносятся с теоретическими и социальными результатами многих наук. Сегодня в Институте философии АН многие годы существует сектор социальной эпистемологии, возглавляемый чл.-корр. АН И. Т. Касавиным. Под его руководством и авторством опубликована серия монографий по социальной эпистемологии и с 2010 года выходит ежеквартальный журнал «Эпистемология и философия науки». Разрабатывается направление культурно-исторической эпистемологии в работах Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной и других исследователей [Культурно-историческая эпистемология, 2014]; написана серия монографий по эпистемологии, в частности, коллективные монографии сектора теории познания ИФАН при участии и под руководством академика РАН В. А. Лекторского [Лекторский, ответ. ред., 2012]. В сотрудничестве с этими секторами и журналом Л. А. Микешиной написан ряд монографий [Микешина, 2007; 2010; 2016]; представлен коллективный труд об эпистемологии коммуникативной рациональности и о роли интерсубъективного взаимодействия как основы познания [Смирнова, ответ. ред., 2014] и многие другие.

3. Особую роль эпистемология может сыграть в дальнейшем развитии социологической науки и тем более потому, что она представляет сегодня признание важнейших свойств и функций самого субъекта познания. Сегодня нельзя не учитывать, что *человек познающий* обладает своим «жизненным миром» (Эд. Гуссерль), системой ценностей, не только обыденным, но и специализированным знанием, вписан в культурно-исторические и социальные отношения. В отличие от гносеологии, сегодня у эпистемологии более сложная задача – выявить и оправдать формы и результаты необходимого присутствия субъекта в реальном знании, в его структурных и операциональных компонентах. Но эти сложные и уже решаемые

задачи сближают эпистемологию с конкретно-научной социологией, становятся средством решения познавательных – эмпирических и теоретических – проблем этой важнейшей сегодня науки. Необходимо напомнить, что если марксистская теория познания в её советском варианте теории отражения стремилась максимально исключить ценности как свойства субъекта познания, то Гегель, идеи которого присутствуют в основаниях марксизма, считал иначе. Для него Я есть «всеобщее, в котором абстрагируются от всего особенного, но в котором вместе с тем все заключено в скрытом виде. Оно есть поэтому не чистая абстрактная всеобщность, а всеобщность, которая содержит в себе все» [Гегель, 123].

4. Сегодня можно утверждать, что и в нашей социально-гуманитарной науке последние десятилетия XX века и первые десятилетия нового XXI века уже не ограничиваются предельно абстрактным субъектом «теории отражения». Среди по-новому поставленных классических философских проблем – преодоление чрезмерной абстракции категории субъекта и, в частности, соотношение *научного* знания, его субъекта и *ценностей*. Весь XX век в философии науки шла дискуссия о роли ценностей в науке: являются ли они необходимой «движущей силой» для её развития или условием успешной деятельности ученых служит освобождение от всех разнообразных ценностных ориентиров? Возможно ли полностью исключить из суждений о фактах ценностные предпочтения и познать объект как таковой сам по себе? Эпистемологическая проблема состоит в том, чтобы понять, как ценностно «нагруженная» активность субъекта может выполнять конструктивные функции в познании. Например, представляется необходимым учесть справедливые требования П. Бурдье, сформулированные им на стыке социологии и эпистемологии и названные «объективацией субъекта объективации», «применять объективацию прежде всего к самим себе», объективируя предпосылки, из которых мы исходим. Он называет это «эпистемологической бдительностью», а также средствами когнитивной социологии, позволяющими заметить «незамеченное и вытесненное социальное» [Бурдье, 1994]. Очевидно, что он определенно придерживался понимания предмета эпистемологии как сочетание логико-эпистемологического и социально-ценностного анализа. Сама активность ценностно ориентированного субъекта познания становится решающим условием получения истинного социального знания, проявление его социокультурной обусловленности.

Эпистемология (в отличие от психологии с ощущением, восприятием и представлением) позволяет перейти на другой уровень рефлексии познания, где главным становится план деятельности субъекта в её операциональной структуре, в контексте коммуникативных и социокультурных, в том числе *ценностных*, факторов. Этот уровень представлен в эпистемологии, в частности, такими известными операциями, как *репрезентация*, *категоризация*, *интерпретация* и *конвенция*, включающими, в частности, социологическое познание в коммуникативный контекст. В каждой из этих операций присутствует момент оценивания, т.е. отнесения к

ценностям, а соответственно и способ проникновения ценностей в научное познание субъекта. В отличие от абстрактной гносеологии, в эпистемологии объект предстает не сам по себе, а как включенный в деятельность и систему ценностей субъекта. В свою очередь субъект оценивает объект не столько произвольно, сколько на основе тех свойств, которые складываются объективно и в соответствии с условиями его социализации.

Библиографический список

Бурдые П. Начала. М., Socio-Logos. 1994. 288 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1, М., Мысль. 1975. 452 с.

Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., Альфа-М. 2013. 560 с.

Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Б. И. Пружинина. М., Политическая энциклопедия, 2014. 599 с.

Лекторский В. А., ответ ред. Эпистемология: перспективы развития. М., Канон, 2012. 536 с.

Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М., РОССПЭН, 2007. 439 с.

Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. М., РОССПЭН, 2010.

Микешина Л. А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М., РОССПЭН, 2016. 575 с.

Смирнова Н. М., ответ. ред. Интерсубъективность в науке и философии. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 415 с.

Эпистемология: перспективы развития. Ответ. ред. В. А. Лекторский. Канон, 2012. 536 с.

Vaergen R. Contemporary Epistemology. N.Y., 1995.

Dancy J. An Introduction Epistemology. Oxford. UK, 1996.